

КВИНТЭССЕНЦИЯ

ФИЛОСОФСКИЙ
АЛЬМАНАХ

КВИНТЭССЕНЦИЯ

**ФИЛОСОФСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

В. П. Филатов

ОБ ИСТОКАХ ЛЫСЕНКОВЩИНЫ

(Точка зрения философа)

Одним из свидетельств происходящего в стране обновления духовной жизни является расширение и углубление нашего понимания собственной истории. Там, где еще недавно были «белые пятна», проступают сложные и драматические события, в число участников которых вводятся все новые и новые имена. С привычных, казалось бы, самоочевидных исторических картин снимаются напластования, за которыми открываются иные и вовсе не очевидные сюжеты. Среди тем, которые вызвали большой резонанс в общественном сознании в результате такой работы, не последнее место занимает лысенковщина. Романы В. Дудинцева «Белые одежды» и Д. Гранина «Зубр», воспоминания и размышления биологов, материалы о судьбе Н. И. Вавилова переносят нас в трагическую ситуацию в отечественной биологии 30—50-х годов, заставляют задуматься о причинах пусть временного, но все же торжества зла над добром, лжи над правдой в науке — в той области человеческой деятельности, для которой стремление к истине и противостояние невежеству всегда были основным идеалом. Справедливости ради нужно сказать, что нынешние попытки разобраться в феномене лысенковщины — не первые. В 60-е годы биологи и философы опубликовали ряд работ, содержащих обстоятельную критику «учения» Т. Д. Лысенко (см., например, книгу И. Т. Фролова «Генетика и диалектика», вышедшую в «Науке» в 1968 г.). Эти работы сохранили свое значение, и вместе с тем сейчас необходимо продолжение и углубление анализа лысенковщины, прежде всего в сторону изучения ее социально-исторических корней.

Заслуживает ли лысенковщина изучения?

Многим сам вопрос: «Как была возможна лысенковская агробиология?» — по-видимому, может показаться неуместным. Стоит ли изучать в историческом, гносеологическом или социологическом плане «лженаучные догмы лжебиологии Лысенко», заслуживает ли эта бесовщина в науке внимательного и беспристрастного анализа? Представляется, однако, что подобный анализ необходим по ряду причин. Одной лишь характеристики лысенковщины как «лже-» или «псевдонауки» явно недостаточно, поскольку она не походит на обычные псевдонауки, которых было немало в истории познания, в том числе и в XX веке. К тому же масштабы лысенковщины, ее последствия для судеб ученых, огромный урон, принесенный ею авторитету отечественной биологии, а косвенно — и науке в целом, заставляют рассматривать ее как общественно значимый феномен, а не как некое досадное недоразумение, случившееся в нашей истории.

Нужно учитывать и то, что социальный и идейный контекст, в котором возникла лысенковская биология, был достаточно общим, он порождал сходные, хотя и не столь «яркие», явления и в некоторых других научных дисциплинах. Причем есть основания предполагать, что отголоски этого контекста в непроясненном, а потому непроблематичном виде встречаются и в наши дни. Это такое прошлое, которое до конца еще не прошло: оно сохранилось в языке, в стереотипах, в оценках, используемых при обсуждении вопросов о месте науки в культуре и обществе, о связи науки и философии, науки и практики и т. п. Оно дает себя знать в известных феноменах «прирученной» науки, в «академизированной идеологии», выдающей себя за науку, в научно-политических приемах, с помощью которых сторонники тех или иных направлений добиваются монополии в своих научных дисциплинах. Все это говорит о том, что исследование феномена лысенковской агробиологии имеет не только антикварный интерес, оно может послужить достаточно общей задаче демократизации нашей интеллектуальной жизни, критическому преодолению негативных элементов в идейном наследстве, доставшемся нам от 30—40-х годов.

Эта книга — философский альманах. Поэтому уместно задаться вопросом: чем точка зрения философа на лысенковщину может отличаться от отношения к ней писателя или биолога, чем философия может дополнить общую картину обсуждаемых событий. Писатели и публицисты обычно видят в Лысенко воплощение зла и шарлатанства. В конечном счете это так, но нужно заметить, что образ «Распутина в биологии» с трудом совмещается с историческими реалиями. Скорее к Лысенко подходит образ Савонаролы — фанатика, уверовавшего в непогрешимость своих «теорий» и убежденного в том, что он несет процветание советскому земледелию и, следовательно, благосостояние всему народу. Возможно, что в теме зла, вырастающего из благих, но слепых устремлений, и состоит подлинный трагизм как лысенковщины, так и сходных с ней явлений в духовной культуре 30—40-х годов. С другой стороны, сами средства литературы толкают к персонификации зла, тогда как с точки зрения философии, Лысенко — лишь марионетка, выброшенная на сцену сложившейся в 30-е годы причудливой констелляцией идеологических, социальных и научно-политических факторов. Правда, он был ловок и удачлив в использовании этих факторов, но, не будь Лысенко, нашлись бы, видимо, другие кандидаты на роль лидера «творческого советского дарвинизма», ведущего борьбу против «буржуазной генетики» с позиций «диалектико-материалистической биологии» и «передовой науки колхозно-совхозного строя»¹.

Уже с середины 30-х годов ученые-биологи настойчиво боролись с лысенковщиной, лишь единицы из них поддерживали «народного академика». Лженаучность «мичуринской биологии» разоблачалась биологами в целом ряде вышедших и еще ждущих

¹ Одной из важных сторон лысенковщины был особый тип речи, используемый ее сторонниками в публикациях и дискуссиях. Это крайне идеологизированная речь, которая собиралась из определенных штампов, раскавыченных лозунгов, цитат и т. п. Здесь слова теряли свое исходное значение и потому легко превращались в ярлыки, используемые для обозначения любых явлений, в зависимости от ситуации. В дискуссиях с научными оппонентами этот тип речи позволял легко переводить вопрос в «идеологическую и политическую плоскость». Что касается более широкой публики, эта речь деморализовывала людей, ошарашивала и оглушала их восприятие. Не имея возможности обстоятельно цитировать образчики этой речи, мы все же будем включать в текст характерные для нее обороты.

своей публикации работ. И все же некоторые из предлагаемых в этих работах объяснений обсуждаемого феномена нуждаются, на наш взгляд, в коррекции. Так, еще в 50—60-е годы основная роль в возникновении лысенковщины отводилась философам: Деборину, Митину, Презенту. Лысенко же представлял «тупым орудием» в руках этих агрессивных и коварных «марксистов». Нет спору, их роль, особенно Презента, довольно велика. Однако она, как это показано в упомянутой книге И. Т. Фролова, далеко не решающая. Ниже мы еще скажем об этом, здесь же нужно отметить то редко учитываемое биологами обстоятельство, что философия в начале 30-х годов претерпела свою лысенковщину, и те люди, которые обрамляли «мичуринскую биологию» философскими словами, имели столько же прав называться философами, как Лысенко — биологом.

Несколько упрощающим ситуацию представляется и объяснение лысенковщины как результата борьбы за власть, за роль лидера в биологии между Н. И. Вавиловым и Лысенко с использованием со стороны последнего чуждых науке приемов¹. Действительно, Вавилов победил бы, если бы дискуссии шли «с соблюдением всех норм научной этики, правил чести». Но остается вопрос — почему эти нормы не соблюдались? Вопрос, на который трудно ответить, ограничивая дело внутринаучной борьбой направлений и школ.

В своих воспоминаниях Н. П. Дубинин объясняет поражение генетики тем, что в ней в 30-е годы сложился кризис, который недооценили старые кадры — Кольцов, Вавилов, Серебровский, Филипченко и другие, не предпринявшие диалектической критики метафизических концепций евгеники, автогенеза и т. п. Этим воспользовались противники: «...нашлись люди, которые в пылу борьбы вслед за действительно обветшалыми понятиями пытались выбросить в мусорную яму истории все основы генетики»². Причем эти люди — Лысенко и его сподвижники — активно поддерживали задачу переделки природы на благо социализма, тогда как в вавиловском направлении дело с практическим применением генетики затягивалось.

¹ См.: Шумный В. За истину в науке // Наука и жизнь. 1987. № 12. С. 62—65.

² Дубинин Н. П. Вечное движение. М., 1973. С. 113.

Причина заключается, таким образом, в том, что генетика вовремя не проделала реконструкцию на диалектико-материалистической основе и поплатилась за это тем, что не вынесла атак людей, которые осуществили эту реконструкцию, пусть и сомнительным образом. Определенный резон в таком объяснении есть, однако представляется, что в свете нового понимания нашей истории этого периода мы уже не можем выдавать нужду за добродетель и пытаться объяснить обсуждаемый феномен с помощью таких представлений, которые активно использовались внутри его самого.

На более глубокие причины событий указывает В. А. Александров: «Трагедия, постигшая в тридцатых — пятидесятых годах советскую биологию, произошла из-за того, что ее использовали как фронт идеологической борьбы и противопоставляли советскую биологию «буржуазной». Были тогда попытки привлечь к политической борьбе и другие науки — физику, химию, но физикам и химикам удалось отбить эти атаки... Были свои причины, почему среди естественных наук именно на биологию пал этот тяжкий жребий. Она ближе других естественнонаучных дисциплин стоит к гуманитарным наукам, основой которых служит партийность. К ней примыкает комплекс агрономических и зоотехнических наук, от которых инстанции ждали спасения нашего разрушенного сельского хозяйства и, как тяжелобольной, готовы были довериться любому знахарю. В области биологии выдать себя за специалиста гораздо легче, чем в математике, астрономии или физике»¹.

В качестве первого приближения это объяснение представляется верным, и в дальнейшем мы попытаемся конкретизировать его и дополнить некоторыми менее очевидными чертами. Целесообразно также, чтобы яснее был ход дальнейших рассуждений, обозначить основную характеристику лысенковской «агробиологии». Это непростой вопрос. Обычно ее характеризуют как лженауку или фальсификацию науки. Однако первый термин мало что говорит, а фальсификация предполагает намеренный обман, которого, судя по всему, не было в деятельности Лысенко, по

¹ Александров В. Трудные годы советской биологии // Знание — сила. 1987. № 10. С. 72.

крайней мере в довоенное время. Несхожа лысенковщина и с «псевдонаукой», хотя у нее есть некоторые общие черты с типичными псевдонауками и прошлого, и наших дней. На наш взгляд, имеющихся понятий (кроме названных в социологии знания используются также понятия «паранаука», «девиантная наука», «альтернативная наука») явно недостает для обозначения этого уникального феномена. Но если все же исходить из имеющегося инструментария, то, как представляется, предпочтительнее всего характеризовать это «учение» как «гипертрофированную вульгарную науку». Понятием «вульгарная наука», как известно, пользовался К. Маркс для обозначения политико-экономических учений, соединяющих в себе определенное экономическое знание с апологетикой складывающихся вне науки классово-практических интересов господствующих слоев общества. Здесь нет прямой аналогии (поскольку существенно отличны области науки и социальный контекст), однако сходный аспект вульгаризации явно присутствует в лысенковщине. Кроме того, последняя вульгарна еще в двух смыслах этого термина: в смысле упрощенности, пошлости (подобно тому, как мы говорим о вульгарном социологизме или вульгарном материализме, элементы которых, кстати сказать, активно использовались в лысенковщине) и в смысле «популярности», «народности», игравших в ней очень существенную роль. На степень же (гипертрофированную) вульгаризации «народного мичуринского дарвинизма» влияло то, что он был довольно быстро выведен из-под научной критики и пользовался прямой и сильной идеологической и политической поддержкой на протяжении многих лет.

На одну ли биологию пал тяжкий жребий?

История научного познания показывает, что в нормальном социально-культурном окружении наука обладает достаточным иммунитетом против процессов вульгаризации. Даже если феномены вульгарной науки пользуются популярностью во внеучебной среде (как обстояло дело, например, с учением Мальтуса), в самой науке, в научном сообществе они подвергаются постоянной критике, оттесняются на периферию

науки и оцениваются как девиантные или псевдонаучные течения. Однако социальная и культурно-гуманитарная «инфраструктура», в которой возникла и распространялась лысенковщина, существенно отличалась от нормальной и резко понижала такой иммунитет.

Как говорилось выше, возникновение лысенковщины нельзя рассматривать только как внутринаучный процесс. В частности, нередко упускается из виду то очевидное обстоятельство, что появлению лысенковщины предшествовали развернувшиеся в конце 20 — начале 30-х годов деструктивные процессы в области культуры и социально-гуманитарной мысли. Эти процессы были во многом аналогичны лысенковскому и подготовили для него организационные образцы, языковые и идейные ресурсы. В нашей литературе эта деструкция социально-гуманитарной мысли еще не получила достаточно полного освещения и оценки, но некоторые ее фактические моменты нельзя не упомянуть, ибо без этого непонятна та почва, на которой могла появиться лысенковщина.

Так, уже к концу 20-х годов интенсивно развивавшиеся до этого исследования в области общей социологии и конкретных социологических дисциплин — социологии труда, быта, социальной психологии, демографии и т. п. — начали сворачиваться. Социология была объявлена «буржуазной псевдонаукой», несовместимой с единственно верным учением об обществе — историческим материализмом. В 1928—1929 годах развернулась экономическая дискуссия, положившая начало борьбе «на два фронта» в политической экономии — против «механической ревизии марксизма», с одной стороны, и против идеализма (позднее «меньшевистствующего») — с другой. Эта борьба практически остановила исследования в области экономики переходного периода и политической экономии социализма в целом (возник даже тезис о том, что плановое социалистическое хозяйство в отличие от капиталистического не может быть предметом теоретического анализа); была разгромлена замечательная школа аграрной экономики А. В. Чайнова (бывшего, кстати говоря, в тесных дружеских отношениях с Н. И. Вавиловым). Издержки коллективизации, голод 1932—1933 годов и другие факторы послужили причиной погрома в экономической статистике — дисципли-

лине, имевшей отмеченные еще В. И. Лениным богатые отечественные традиции.

В это же время происходило разрушение исторической науки — отстранялись от работы известные историки, закрывались журналы, пресекалось преподавание отечественной истории, ликвидировались многочисленные общества по изучению и охране памятников старины. С письмом Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г.) утвердились новые принципы пролетарской историографии, суть которых сводилась к тому, что все направления в рабочем и социалистическом движении, в чем-то отклоняющиеся от большевизма (а с 20-х годов фактически от сталинской позиции), являются очагами измены. Эти принципы стали каноном исторических исследований, были развернуты позднее в схему краткого курса «Истории ВКП(б)» и исключили возможность какого-либо критического исследования истории. Тогда же благодаря усилиям Е. Б. Пашуканиса и его последователей насаждался правовой нигилизм под лозунгом «отмирания права» в социалистическом обществе. Сменивший Пашуканиса в качестве лидера правопедения А. Я. Вышинский, как это известно, с успехом довершил разгром права и в теории и на практике. Были пресечены замечательные традиции и школы отечественного языкознания, на место которых водрузилось так называемое «новое учение о языке». Создатель последнего Н. Я. Марр (идею которого о едином наднациональном языке коммунистического общества публично поддержал в 1930 г. Сталин) и его последователи уже в конце 20-х годов стали бороться со своими оппонентами такими средствами, которые весьма напоминают используемые позднее Лысенко¹.

По-видимому, этот перечень можно расширять (так, ниже мы подробнее рассмотрим, что произошло в философии), но и перечисленного достаточно для понимания того, что на рубеже 20—30-х годов началась фронтальная деструкция культуры и социально-гуманитарной мысли. В передовой статье журнала «Естествознание и марксизм» некоторые участки этого фронта описывались так: «Область теории никогда не была нейтральной, никогда не была лишена классово-

¹ См.: *Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: страницы жизни и деятельности.* М., 1988. С. 74—90.

вой основы. Сейчас, в период обострения классовой борьбы, в теории также проявляется сопротивление враждебных пролетариату классовых сил... Так, в теоретической экономике идеология враждебных пролетариату классов выражается в теориях Базаровых, Громанов, Сухановых, Кондратьевых, Рубиных и др. В литературе — в переверзевщине. В области философии мы имеем и открытые выступления явных идеалистов (Лосев, Нуцубидзе и другие) и скрытые формы борьбы с марксистско-ленинской философией под флагом асмусовщины, в виде псевдомарксистского течения Корнилова и его школы в психологии, в виде прикрытой, выступающей под маской ленинизма механистической по существу ревизии ленинизма Обухом и его школой в медицине. Мы имеем общее оживление механистов всех толков (Тимирязев, Варьяш, Обух, Корнилов и др.). В естествознании активизируются также витализм (биологи Берг, Гурвич), махизм (физик Френкель), конвенционализм (математики Каган, Богомолов)... Совершенно очевидно, что никакая теория, в особенности в условиях обостренной классовой борьбы, не может быть свободна от политики... Философия, естественные и математические науки так же партийны, как и науки экономические или исторические»¹.

Хотя события развивались весьма быстро и во многом параллельно в различных областях науки, все же ясно, что «тяжкий жребий» выпал сначала на долю социально-гуманитарных наук и философии. К руководству «научным фронтом» в этих областях пришли «ученые новой формации», проложившие себе путь политическими наветами на коллег и идеологической демагогией, незнакомые с историей своих дисциплин и зарубежной литературой, заменявшие научную работу комментированием партийных постановлений и речей Сталина. Этот тип «сталинского ученого» в полном виде был воплощен в Лысенко, но он не был первым из этой когорты и имел предшественников в сфере социальных наук.

Даже если предположить, что этот деструктивный процесс остановился бы на границе между общественными и естественными науками и не затронул бы био-

¹ За партийность в философии и естествознании // Естествознание и марксизм. 1930. № 2—3. С. III—IV.

логию в большинстве ее разделов, физику (например, борьба с «физическим идеализмом» в теории относительности и квантовой механике, гонения на так называемое отечественное ответвление копенгагенской школы — Ландау, критика ряда крупных физиков — Тамма, Френкеля и др.), математику (например, преследование основателей московской математической школы — академиков Егорова и Лузина), то и тогда его последствия были бы весьма негативными. Сейчас мы много пишем о том, какое важное эвристическое значение для развития науки имеют философские идеи, гуманитарная мысль, духовная культура в целом. И редко задумываемся над тем, какие следствия для науки может повлечь деструкция этой духовной культуры. А между тем это не проходит бесследно для естественных наук, даже если их минует обсуждаемый «тяжкий жребий» или коснется лишь вскользь. В. И. Вернадский, много и со всех сторон размышлявший над включенностью естествознания в общий духовный контекст эпохи, еще в начале века высказал очень ясную и, как оказалось, пророческую мысль: «Если мы хотим понять рост и развитие науки (имеется в виду естествознание.— В. Ф.), мы неизбежно должны принять во внимание и все эти другие проявления духовной жизни человечества. Уничтожение или прекращение одной какой-либо деятельности человеческого сознания сказывается угнетающим образом на другой. Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной мысли не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке»¹.

Та деструкция культуры, социально-гуманитарной мысли, которой наше общество обязано сталинизму, вне всякого сомнения, именно так сказала на развитии науки. Лишь в подобной атмосфере могла возникнуть и существовать и та крайняя форма вульгаризации науки, которую представляла собой «творческая агробиология» Лысенко².

¹ Вернадский В. И. Избр. труды по истории науки. М., 1981. С. 50—51.

² По иронии судьбы Лысенко начинал свои опыты с гороха, что позволило затем «придворным историографам» раскрасить его путь в науке такими перлами: «тот самый горох, в котором монах Мендель искал подтверждения своего метафизического «закона» неизменяемой наследственности, навел молодого специалиста Ганджинской селекционной станции большевика Лысенко на

*В тисках между «механицизмом»
и «меньшевистствующим идеализмом»*

Во второй половине 20-х годов, когда мало кому еще известный Лысенко проводил в Азербайджане свои «эпохальные» опыты по переделке озимых сортов в яровые, в Москве и других крупных научных центрах уже началась работа по «социалистической реконструкции» биологии, по выправлению в ней «генеральной линии», по «внедрению в нее диалектического метода». На первом этапе этой работы в ней активную роль играла философия, в которой происходили жаркие дискуссии в борьбе за лидерство на «философском фронте». Итогом этой борьбы, закончившейся в 1930 году, стало безраздельное господство философии сталинской эпохи — крайне идеологизированного и вульгаризированного марксизма без Маркса, представляющего собой, по сути дела, упрощение и ревизию марксистско-ленинского учения во всех его основных пунктах. Когда же была поставлена задача по «внедрению» подобного диалектического материализма в естествознание, то быстро обнаружилось, что подлинная наука имеет мало шансов соответствовать подобной философии, тогда как такие монстры, как «мичуринская агробиология», вполне укладывались в прокрустово ложе последней и получали в результате сильную идеологическую, а затем и политическую поддержку¹.

Сердцевиной философских споров второй половины 20-х годов была дискуссия «механистов» (И. И. Скворцов-Степанов, А. К. Тимирязев и дру-

путь совершенно иных исканий, увенчавшихся крупнейшей победой диалектико-материалистического метода познания» (Александр Б. А. Творцы передовой биологической науки. К. А. Тимирязев, И. В. Мичурин, В. Р. Вильямс, Т. Д. Лысенко. М., 1949. С. 149).

¹ В связи с этим следует отметить важное обстоятельство, касающееся отношения философов к лысенковщине. Настоящие философы не поддерживали ее, к тому же они не в меньшей степени, чем генетики, пострадали в рассматриваемый здесь период — многие из них были репрессированы, уцелевшие уходили в психологию, в филологию или вообще прекращали научную деятельность. В этом смысле очень символичным является то, что Н. И. Вавилов оказался в саратовской тюрьме в одной камере с философом И. К. Лупполом, а Лысенко в неприятный для него момент укрылся в кабинете одного из лидеров «сталинской философии» — М. Б. Митина.

гие) и группы «диалектиков» во главе с А. М. Дебориным. Теоретический уровень этой дискуссии был весьма невысок¹, к тому же в ней быстро вошли в оборот политические ярлыки: стороны начали обвинять друг друга в махизме и ликвидаторстве, идеализме и витализме, в отрыве от практики социалистического строительства и выражении идеологии кулачества и нэпманской буржуазии. В целом «механисты» стояли на позициях естественнонаучного материализма, а в отношении биологии отстаивали принципы умеренного редуционизма, значимость эмпирических, физико-химических методов исследования. Деборин и его сторонники от имени диалектики подвергали такую установку, а вслед за ней и «формально-логическое», «метафизическое» естествознание резкой критике. Они отстаивали тезисы, которые потом стали своего рода догмами, нередко воспроизводимыми и теперь. К их числу относятся положения о том, что естествознание должно спонтанно рождать диалектику, что кризисы в науке связаны с тем, что ученые не осваивают сознательно диалектический метод. Последний объявлялся ими единственно верным методом научного исследования, тогда как эмпирический метод и формальная логика трактовались как ограниченные и ошибочные. В целом они требовали от ученых и философов новой, диалектической науки, а тех, кто не разделял этого требования, объявляли «метафизиками», сторонниками буржуазной идеологии и т. п.

Следует отметить, что диалектики слабо разбирались в естественнонаучном материале² и их методы борьбы были в основном цитатными. Однако в это время идеологический напор уже брал верх над рациональными аргументами; в 1929 году «механисты-метафизики» были официально осуждены на конфе-

¹ См., например: *Деборин А.* Диалектика и естествознание. М.—Л., 1929; *Степанов И. И.* Диалектический материализм и деборинская школа. М.—Л., 1928.

² Это было признано даже в резолюции по докладу О. Ю. Шмидта, подводившего итоги победы «диалектиков» над «механистами»: «Борьба диалектиков и механистов, ввиду отсутствия в лагере диалектиков подготовленных естественников, вначале получила форму дискуссии между философами, с одной стороны, и естествоиспытателями — с другой. Рост наших собственных кадров вскоре, однако, изменил ситуацию, и борьба перекинулась в лагерь самих естественников» (Естествознание и марксизм. 1929. № 3. С. 213).

ренции Коммунистической академии. Но и деборинцы недолго стояли во главе философского фронта. В 1930 году группа молодых активистов Института красной профессуры во главе с М. Б. Митиным и П. Ф. Юдиным выступила против деборинцев, обвинив их в недостатке партийности. В беседе на бюро партийной ячейки института Сталин поддержал это выступление, квалифицировав Деборина и его сторонников как «меньшевиствующих идеалистов». В официальной резолюции отмечалось, что работы последних содержат каутскианские ошибки в вопросе о диктатуре пролетариата, правооппортунистические взгляды по вопросам культуры, богдановские ошибки по вопросам коллективизации, полутроцкистские ошибки в вопросах классовой борьбы, идеалистические ошибки в понимании диалектики.

Однако и после разгрома деборинцев механицизм (а косвенно — и большинство ученых, скептически настроенных к вульгарным требованиям немедленно «диалектизироваться»¹) продолжал оставаться «главной опасностью» на пути «социалистической реконструкции науки». Этот разгром привел к сворачиванию неплохих исследований по истории диалектики и истории философии, которым в деборинском окружении уделяли большое внимание, справедливо подчеркивая связи марксизма с предшествующей философией. Стиль хлесткой, но малоквалифицированной критики «метафизической» науки прочно вошел в арсенал новых лидеров философского фронта. С их воцарением неизбежно утвердился «сталинский диамат», по своему уровню недостойный названия философии, неве-

¹ Это настроение хорошо выражено известным в те годы биологом А. Ф. Самойловым. Включившись в описанную дискуссию, он говорил, что «диалектики» должны «на деле доказать, что они, применяя диалектическое мышление, диалектический метод, в состоянии пойти дальше, скорее, с меньшей затратой труда, чем те, которые идут иным путем. Если они это докажут, то этим без всякой борьбы, без излишней бесплодной оскорбительной полемики диалектический метод завоюет себе свое место в естествознании. Естествоиспытатель прежде всего не упрям. Он пользуется своим теперешним методом только и единственно потому, что его метод есть метод единственный. Такого естествоиспытателя, который желал бы пользоваться худшим методом, а не лучшим, нет на свете. Докажите на деле, что диалектический метод ведет скорее к цели, — завтра же вы не найдете ни одного естествоиспытателя из диалектика» (Самойлов А. Ф. Диалектика природы и естествознание // Под знаменем марксизма. 1926, № 4—5. С. 81).

жественно-агрессивный в отношении к любым проявлениям настоящей культуры и атмосфере свободного научного поиска.

Между тем именно его представители, а главное, те «собственные кадры» в «лагере естественников», которые быстро освоили этот нехитрый «идейный» арсенал, возглавили работу по реконструкции науки. В частности, они в 1930—1931 годах пришли к руководству ранее созданных обществ биологов-материалистов, врачей-материалистов, физиков и математиков-материалистов и т. п. С этого времени ситуация стала меняться. Борьба, в соответствии с приведенной оценкой О. Ю. Шмидта, действительно «уже перекинулась в лагерь самих естественников». Не следует, разумеется, думать, что эта борьба парализовала все естественнонаучные дисциплины, что везде стала появляться лысенковщина. Наука есть наука, в ней существуют стандарты научности, от которых ученые предпочитают не отходить даже при сильном социальном давлении. Физики, математики, химики, представители других дисциплин находили способы (отсылки к оборонной или экономической значимости исследований, дежурную риторику, прикрытие признанными авторитетами в науке, уход от идеологических споров и т. п.) для сохранения научных школ и плодотворных традиций. Но в биологии этот напор, по-видимому, было сдержатъ труднее всего в первую очередь из-за катастрофических социально-политических процессов, развернувшихся в сельском хозяйстве страны в 30-е годы. Реконструкция науки здесь сразу же стала приобретать серьезный оборот.

В плане работы общества биологов на 1931 год записано: «Важнейшей задачей общества биологов-марксистов является разработка совместно с БИКА (Биологический институт Коммунистической академии) большевистской реконструкции биологии. Эта основная задача должна пронизать все содержание работы общества и всех его бригад, проводимой на основе широкого развертывания подлинной коллективности, соцсоревнования и ударничества»¹. Дискуссия на общем собрании общества биологов Комакадемии в 1931 году вообще очень поучительна и являет собой

¹ Против механического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии. М.—Л., 1931. С. 92.

как бы прообраз всех последующих дискуссий и событий в биологии. Лысенко еще нет в списках «ударников» и «бригадиров» не только центрального, но и украинского (к этому времени он уже перебрался в Одессу) общества биологов-марксистов. Как, впрочем, нет в этих списках и философов. Но все задачи, которые Лысенко решал, уже predetermined: критика «вейсманизма» и «морганизма», борьба с «буржуазным» и даже «социал-демократическим (!) естествознанием», разоблачение основных отечественных биологических школ, создание особой социалистической биологии на основе, которую дает «наше коллективизированное сельское хозяйство для всех ветвей теоретической биологии»¹.

Причем намечены эти задачи довольно конкретно. В докладе нового председателя общества Б. П. Токина (печально известного своим поведением на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.) и в принятой резолюции к числу важнейших задач реконструкции биологии относится разоблачение «школ и лиц», стоящих на позициях механицизма, идеализма и буржуазной идеологии: «В развитии биологии в СССР мы имели и имеем ярко выраженные буржуазные направления, течения, школы. Совершенно необходимо организовать разоблачение идеалистических концепций А. Гурвича, Любищева, Беклемишева, Берга, Соболева и др., так же как и механистических школ и концепций Н. Кольцова, М. Завадовского, И. Павлова, П. Лазарева, А. Самойлова. Необходима борьба с ламаркистскими направлениями типа Богданова, Е. Смирнова, вместе с решительной борьбой против автогенетической концепции Филипченко и др., а также по существу автогенетических концепций Серебровского, Левита, Левина, Агола и др.»². Сказано — сделано, принимается решение организовать специальные «бригады» по разбору работ Кольцова, Лазарева, Самойлова, Серебровского. В своем докладе Токин сокрушается, что «до сих пор мы имеем «святое» невмешательство в основные методологические установки Вавилова. Но общество не выполнило бы своих задач, если бы свою работу строило мимо Нарком-

¹ Против механического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии. М.—Л., 1931. С. 85.

² Там же. С. 89.

зема»¹. И утверждается особая бригада для работы «по методологическому контролю над существующей и развертываемой сетью научно-исследовательских учреждений, входящих в состав Наркомзема (прежде всего ВАСХНИЛ)»².

Образ Лысенко уже как бы витает над биологией. Во время дискуссии, в которой участвовал целый ряд ведущих биологов тех лет (Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский и др.), звучали сомнения в возможности развития биологии в том случае, если основные отечественные школы вместе с их лидерами будут разоблачены как буржуазные, метафизические и т. п. На это руководитель общества заявил: «Пусть пролетарская молодежь и действительно преданные пролетариату специалисты не поддаются этим мещанским воплям. При всех поворотах находятся группы мещан, которые говорят об этом. Мы не будем этого бояться и не будем слушаться Вермелей и Смирновых, которые никак не могут найти людей, которых они могли бы считать своими авторитетами. Если для них не авторитет мощный, создающийся сейчас коллектив пролетарских научных работников, объединяющийся вокруг Академии, то и без них справится наука, без них справится рабочий класс прекраснейшим образом. Суть не в том, чтобы сейчас указать Иванова или Петрова, за которым нужно идти. Всякий видящий видит — создается мощный пролетарский коллектив научных работников»³. Было бы, пожалуй, нелогично, если бы в подобной ситуации рано или поздно на сцене не возник новый руководитель «биологического фронта» (тем более что начал Токин свой доклад фразой, которая сделала бы честь и самому Лысенко: «Фронт биологии — отсталый фронт») — Иванов, Петров или Лысенко, «за которым нужно идти».

Сказанное наводит на мысль, что истоки проблемы гораздо шире оппозиции между генетикой и механоламаркизмом (к которому обычно причисляют позицию Лысенко) и борьбы биологических школ. Социально-идеологический и научно-политический (имеются в виду задачи реконструкции науки, новых меха-

¹ Против механического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии. М.—Л., 1931. С. 12.

² Там же. С. 92. (Н. И. Вавилов в эти годы был президентом ВАСХНИЛ.)

³ Там же. С. 85.

низмов формирования и организации научного сообщества, очистки последнего от старых кадров и т. п.) контекст складывался так, что гипотетически можно даже предположить (рискуя, конечно, вызвать праведную критику), что и на основе генетики, получи она в этом контексте поддержку, могли бы развернуться события, сходные с лысенковскими. Некоторые ростки этого проявлялись, когда генетика еще не оценивалась как «формальная, буржуазная лженаука». Так, в «Задачах общества врачей-материалистов в период социалистической реконструкции» (1930 г.) говорится, что «механистические теории в медицине и смежных с ней областях конкретизируются главным образом по линии ламаркизма и признания адекватного наследования благоприобретенных признаков» (то есть позиции Лысенко.— В. Ф.), тогда как «сугубое значение для коренной реформы многих теоретических основ патологии приобретают генетика и смежная с последней механика развития»¹. В свете этого ставятся задачи «улучшения генотипа» в целях «максимального развития творческих возможностей грудящихся масс», разработки «основ социалистической евгеники» с учетом того, «что лишь коммунистическое общество создает действительно благодарную почву для активных евгенических мероприятий»².

Разумеется, можно лишь гадать, к чему бы привели в то время активные евгенические мероприятия, будь они развернуты. Все же в сложившемся контексте сама логика событий вела к тому, что менделевская генетика должна была оказаться «механистической», «метафизической», «формальной» наукой, подлежащей критике и запрету. Дело в том, что генетические исследования, начатые Менделем и продолженные его последователями, в том числе и в СССР в 20—30-е годы, и в самом деле были в определенном смысле «механистическими», если не придавать этому понятию только негативный смысл. Менделем была инициирована первая в биологии научно-исследовательская программа, в которой был успешно реализован «галилеевско-ньютонский» (и в этом смысле — механистический) стиль мышления, с характерными для него нормами аналитизма, точного контро-

¹ Естествензнание и марксизм. 1930. № 1 (5). С. 209, 208.

² Там же. С. 208, 209.

лируемого эксперимента, использования математического языка и т. п.¹ Развитие различных научных дисциплин происходит неравномерно, и если в физике в начале XX века «механистический стиль» мышления в ряде аспектов начал обнаруживать свою ограниченность (прежде всего в связи с развитием квантовой теории), то в биологии в это время он, по существу, еще только начал формироваться, и потому борьба с ним объективно отбрасывала биологию к уровню описательного естествознания, натурализма, а в случае с «мичуринской агробиологией» Лысенко — также еще и к элементам более архаического, донаучного типа мышления. И не случайно на дискуссии 1939 года, организованной журналом «Под знаменем марксизма», Н. И. Вавилов говорил Лысенко, что тот своим отрицанием генетики как «формальной», «механистической» концепции тянет биологию назад, в додарвиновские времена, в начало XIX века.

*«Буржуазная генетика»
и «социалистическая агробиология»*

Всякому читавшему работу В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление», наверное, бросался в глаза тот пафос, с которым замечательный мыслитель подчеркивал сквозную для этой книги мысль об универсальности, «вселенскости», интернациональности науки. Наука, подчеркивает Вернадский, *«одинакова для всех времен, социальных сред и государств»*

¹ Подробно анализ этого см., например: Микитенко Д. А. Взаимодействие генетики с другими науками (философско-методологический анализ). Киев, 1987. С. 6—55. Оценивая роль Менделя, Н. В. Тимофеев-Ресовский отмечал, что уже до него были выявлены многие закономерности наследственности, но они фиксировались в рамках качественного, натуралистического подхода. «Его величие в том, что, зная и учитывая все эти явления, открытые, но точно не проанализированные, он так поставил свои опыты и обработал их результаты, что смог дать точный, количественный анализ наследования и перекомбинирования элементарных наследственных признаков в ряду поколений. Из полученных таким образом экспериментальных данных он смог сформулировать вероятностно-статистические и комбинаторные закономерности наследования и построить гипотезу наследственных факторов и чистоты гамет. В этом Мендель опередил свое время, стал пионером истинного внедрения строгого математического мышления в биологию и создал основу быстро и прекрасного развития генетики в нашем веке» (О Менделе // Бюл. Моск. общества испытателей природы. Отд. биологии. 1965. Т. 70. № 14. С. 20).

венных образований», в ней «несть иудея, ни эллина», в ней «ищутся и вырисовываются новые формы научного братства — внегосударственные организованные формы мировой научной среды», в ней есть «остов, который может считаться общеобязательным и непреложным для всех, не может и не должен возбуждать сомнений»; «есть часть науки общеобязательная и научно истинная. Этим она резко отличается от всякого другого знания и духовного проявления человечества — не зависит ни от эпохи, ни от общественного и государственного строя, ни от народности и языка, ни от индивидуальных различий»¹.

Нет никакого сомнения в том, что этот пафос объясняется не только той ролью, которую Вернадский отводил науке в формировании общечеловеческой ноосферы, но и той деструктивной атмосферой, которая складывалась в науке, философии, духовной культуре в 30-е годы, когда обдумывалась и писалась эта книга². В самых вульгарных и гротескных формах говорилось с трибун и писалось в журналах и книгах о буржуазной математике и пролетарской физике, о социал-демократической науке и социалистической биологии и т. п. и т. д. Эта «кавалеристская атака» на науку не могла не вызывать негативной реакции у честно мыслящих ученых.

Между тем в этой мутной воде Лысенко и его сподвижники (особенно такие, как И. И. Презент) чувствовали себя «как дома», они активно осваивали и выработывали эту вульгарную риторику, а главное, cynично использовали ее как для нападок на своих противников, так и для достижения идеологической и

¹ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. С. 60, 68, 77, 85—86.

² В издании 1977 года опущены ясно раскрывающие эту связь пять параграфов работы с той мотивировкой, что «их содержание целиком навеяно нездоровой ситуацией, сложившейся в дискуссии по биологии в СССР в 1936—1938 годах, и спорами по вопросам методики радиобиологии в 1934 г.» (Там же. С. 154). Однако и в недавнем юбилейном издании (Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988) издатели решили, как и прежде, не травмировать читателей «нездоровыми ситуациями». В опущенных фрагментах (они опубликованы в журнале «Вопросы истории естествознания и техники», 1988, № 1) Вернадский, в частности, подвергает критике то, что мы назвали выше «сталинским диаматом». По-видимому, марксизм все же не нуждается в такой форме защиты, когда даже крайние формы его вульгаризации заботливо выводятся из-под вполне справедливой критики.

политической поддержки своей деятельности. Нет особой нужды говорить о том, какое значение имела такая риторика в условиях «обострения классово-борьбы», нарастающей волны разоблачений «заговоров», «вредительств» и т. п.

Возникает естественный вопрос: как могла сложиться такая риторика и почему в ее рамках агробиология была «социалистической», а генетика «буржуазной»? Чтобы понять это, следует сделать небольшое отступление. Общепринято (в том числе и в «буржуазной» социологии знания), что в работах Маркса содержится сложная и развернутая концепция социальной природы и социальной детерминации сознания и различных форм духовного производства. Применительно к рассматриваемой проблеме суть этой концепции состоит в следующем. Буржуазными или социалистическими, по Марксу, могут быть определенные уровни повседневно-практического сознания, классовое сознание, идеология и то, что он называл «вульгарной наукой»¹. Наука как таковая, будь то естественная, будь то гуманитарная, не является формой идеологии или классового сознания. Наука есть форма «свободного духовного производства», «всеоб-

¹ «Вульгарные экономисты — их надо строго отличать от экономистов-исследователей, являвшихся предметом нашей критики, — фактически переводят [на язык политической экономии] представления, мотивы и т. д. находящиеся в плену у капиталистического производства носителей его, представления и мотивы, в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости. Они переводят их на доктринерский язык, но с точки зрения господствующей части [общества], капиталистов, и поэтому не наивно и объективно, а апологетически» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 471). Наиболее яркой фигурой вульгарной науки Маркс считал Мальтуса. «Этот негодяй, — пишет о нем Маркс, — извлекает из добытых уже наукой (и всякий раз им украденных) предположений только такие выводы, которые «приятны» (полезны) аристократии против буржуазии и им обеим — против пролетариата; он стремится «приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами». «И ради этой цели он фальсифицирует свои выводы в области науки. В этом его низость в отношении науки, его грех против науки, не говоря уже о его бесстыдном плагиаторстве, практикуемом им в качестве ремесла» (Там же. Т. 26. Ч. II. С. 124—125). Как представляется, большинство из этих характеристик, с понятными поправками на время и социальный контекст, применимо к научной деятельности Т. Д. Лысенко и его приспешников.

щего труда», обладающая собственным типом социальности и связанная с социально-культурной сферой существенно иначе, чем названные выше формы сознания. Поэтому если идеология может быть «немецкой», «буржуазной», «пролетарской» и т. п., то в точном смысле понятий не может быть науки «буржуазной», «социал-демократической», «пролетарской» или «русской», — наука имеет всеобщий характер, в ней действительно «несть иудея, ни эллина».

Резкая отповедь вульгарному социологизму дана В. И. Лениным в замечаниях на полях книги В. Шулятикова, в которой автор предпринял попытку изобразить западноевропейскую философию (не говоря уже о науке) как прямой идеологический рефлекс буржуазного общества. Ленин постоянно отмечает: «...экий вздор!», а в конце делает вывод: «Вся книга — пример безмерного опошления материализма»¹.

Из материалов различных философских и биологических дискуссий 30-х годов можно привести сколько угодно примеров, в сравнении с которыми шулятиковский вульгарный социологизм выглядит невинной забавой. Многие биологи, руководители общества биологов-марксистов (а также и активисты смежных с ним обществ физиков, математиков — А. А. Максимов, Э. Кольман и другие) все глубже увязали в таком опошлении и науки, и марксизма. Пролеткультовский дух и вульгарно-социологическая риторика буквально хлынули в статьи и книги, посвященные проблемам науки и вопросам ее отношения с обществом, практикой и т. п.

По каким же основным направлениям шла эта вульгаризация? В откровенной по своей наивности и пошлости форме они выражены, например, в статье В. Егоршина (которую мы приводим лишь как типичный образчик такого рода представлений) еще в 20-е годы. Трактую естествознание как идеологию в его теоретической части и как технику — в прикладной, он мыслимыми и немыслимыми способами «доказывает» следующие положения, вынесенные им в названия разделов статьи: «Философия управляет естествоиспытателями», «Естествознание как идеология», «Классовый характер естествознания», «Партийность в естествознании». На вопрос о функциях естествознания этот

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 474.

«марксист» отвечает: «Основных функций у него две: во-первых, удовлетворять потребности техники и, во-вторых, служить укреплению идеологии соответствующего класса»¹.

Внешне не очень заметную, но крайне существенную роль сыграла ревизия ленинского положения о том, что мировоззрением подавляющего большинства ученых является стихийный материализм. Нет нужды говорить о важности этого тезиса, положенного в основу ленинской программы союза марксистской философии и естествознания. Между тем уже к концу 20-х годов этот тезис был существенно извращен, из публикации в публикацию начала кочевать идея, что зарубежные ученые — а вслед за ними и советские естествовники, не отвергающие теорий «буржуазных» ученых, — в подавляющем большинстве переметнулись в идеалистический лагерь. Мысль эта стала настолько общепринятой (она «обосновывается» в статьях О. Ю. Шмидта, Э. Кольмана, А. А. Максимова и других), что была закреплена в резолюции Комакадемии «Задачи марксистов в области естествознания»: «Ленин отличал «стихийных материалистов», к которым в то время принадлежало большинство экспериментаторов (о теоретиках речь не идет — как идеологи, они однозначно оказываются идеалистами.— В. Ф.), от идеалистов, махистов и пр. В настоящее время это деление осложняется, с одной стороны, под влиянием накопления нового фактического материала, с которым теории не справляются, а с другой — под влиянием политической обстановки после войны и революции. Классово-политические причины заставили большинство ученых проделать поворот вправо, в сторону явно-го идеализма»².

Сейчас уже непросто разобраться, кто именно из представителей научного и философского «фронта» вводил в оборот названные здесь и подобные им положения, извращающие марксистскую концепцию науки. Существенно то, что в 30—40-е годы они прочно вошли в арсенал «ученых» и «философов» сталинской формации, позволяли им легко переводить научные споры в плоскость борьбы с идеализмом, классовой

¹ *Егоршин В.* Естествознание и классовая борьба // Под знаменем марксизма. 1926. № 6. С. 112.

² Естествознание и марксизм. 1929. № 3. С. 212.

борьбы с буржуазной наукой и проведения «генеральной линии партии в естествознании».

В то время как с середины 20-х годов в мировой науке, особенно в физике, в биологии и смежных с ними дисциплинах, начался период бурного теоретического прогресса, эти борцы за «социалистическое естествознание» твердили о продолжении и углублении кризиса «буржуазной науки», о ее неспособности дать подлинно научное объяснение открываемым фактам и т. п. Эта демагогия сказывалась и на практике: свертывались международные связи (сохранение их ставилось в вину, как это было, например, в случае с Н. И. Вавиловым), ограничивался доступ к зарубежной литературе, изымались из преподавания те или иные разделы науки и т. п. Настоящие ученые, конечно, осознавали всю пагубность этой нарастающей изоляции от мировой науки, третирования взглядов многих выдающихся зарубежных ученых как идеалистических, лженаучных. Они не могли заставить себя, как этого требовали Митин, Лысенко, Презент и другие «сталинские ученые», осуждать взгляды зарубежных коллег, с которыми их связывала общность теоретических позиций. В своем выступлении на дискуссии по генетике и селекции в 1939 году Н. И. Вавилов, очертив огромный фактический материал, подтверждающий достоверность законов генетики, обращался к аудитории: «Нам, научным работникам, для которых дорога истина и которые посвятили себя науке, нелегко отказаться от наших воззрений. Вы поймете всю трудность положения, ибо то, что мы защищаем, есть результат огромной творческой работы, точных экспериментов, советской и заграничной практики»¹.

Между тем и политическое давление, и конъюнктурные соображения, и особенности формирования научного сообщества тех лет (о чем пойдет речь ниже) деформировали позиции многих биологов. Над обществом ученых как бы навис вопрос, который волновал в те же годы одного из героев платоновского «Котлована»: «Не есть ли истина лишь классовый враг?»²

В наиболее гипертрофированной форме это вульгарное расчленение науки по классовым, идеологичес-

¹ Под знаменем марксизма. 1939. № 11. С. 139.

² Новый мир. 1987. № 6. С. 69.

ким, национальным принципам и соответственно прямая политическая поддержка «творческого советского дарвинизма» проявились на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, когда «классовость и партийность естествознания» приняли форму прямого контроля взглядов ученых. В. Александров приводит очень характерное в этом плане заявление генетика А. Р. Жебрака, долго и стойко боровшегося против лысенковщины: «До тех пор, пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике и споры между этими направлениями рассматривались как творческие дискуссии по теоретическим вопросам современной науки, помогающие в споре найти истину, я настойчиво отстаивал свои взгляды, которые по частным вопросам расходились со взглядами академика Лысенко. Но теперь, после того как мне стало ясно, что основные положения мичуринского направления в советской генетике одобрены ЦК ВКП(б), то я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии»¹.

Сказанное все же лишь отчасти объясняет, почему именно лысенковская агробиология оказалась идеологически и классово приемлемой, а генетика — классово чуждой, «буржуазной» в социальном контексте 30—40-х годов. Чтобы сделать это объяснение более полным, нужно обратить внимание на еще один пласт проблемы, который обычно остается в тени, а если и упоминается, то с оттенком иронии. Речь идет о «народности» лысенковской агробиологии.

*«Народная наука» колхозно-совхозного строя
против «кастовой», «профессорской» генетики*

Конечно, непросто тягаться с писателями и публицистами, высмеивающими шитую белыми нитками псевдонародность «народного академика» Т. Д. Лысенко. И мы не собираемся этого делать, хотя трудно удержаться от того замечания, что 40—50 лет назад хватало литераторов, с умилением описывающих борьбу этого «народного» ученого, прокладывавшего новаторские пути ударникам колхозно-совхозного фронта и вдохновлявшего своим примером несметные отряды

¹ Знание — сила. 1987. № 10. С. 77.

юных мичуринцев. И не была ли роль этих «мастеров пера» в возникновении феномена Лысенко не менее значимой, чем роль Митина, Презента и других? Ведь в инстанциях читали не только наводящие тоску писания философских мичуринцев, там читали книги и смотрели фильмы, полные бодрящих душу сюжетов о победах шагающих по полям молодцов в косоворотках над замкнувшимися в лабораториях консерваторами в галстуках и пенсне.

Но есть и иной аспект «народности», связанный с социально-философскими проблемами отношения науки и практики, институциональных структур науки, взаимосвязи различных типов знания, в том числе специализированного научного знания и опыта практической селекции, собственно науки и так называемой народной науки — народной агрикультуры, донаучного искусства селекции животных и т. п. Сторонники Лысенко тонко сыграли на идеологических и политических аспектах этих сложных взаимоотношений, в результате чего их «народная мичуринская агробиология колхозно-совхозного строя» стала выглядеть предпочтительнее «лабораторной», «профессорской» генетики в социально-политическом контексте 30-х годов.

Здесь будут рассмотрены лишь некоторые стороны этого вопроса, причем следует отметить, что ряд выводов носит предположительный характер и нуждается в дальнейшем анализе и обосновании.

Прежде всего следует иметь в виду, что в дискуссиях тех лет сошлись (помимо идеологии) три типа знания, достаточно отличные друг от друга по своим источникам, образам и структуре. Во-первых, это *практическое знание селекционеров*, не использовавших в своей работе методов генетики и опиравшихся прежде всего на накопленный с годами опыт селекции растений и животных. Одним из представителей подобной практической селекции (которую можно, правда с очень большими оговорками, квалифицировать как «народную науку») был И. В. Мичурин (1855—1935). Во-вторых, это *дарвинизм*, сохранивший от классического натурализма XIX века стиль описательного, синтетического естествознания. Причем благодаря многочисленным комментаторам и пропагандистам в XX веке дарвинизм во многом превратился в «популярную науку», и, что также важно, в общественном сознании он предстал неразрывно связанным с марксистским

учением о развитии в качестве одной из его естественнонаучных основ. В-третьих, это *генетика*, которая, как уже отмечалось, была первой в биологии научной программой, реализовавшей точный, экспериментально-математический, аналитический стиль мышления. Лысенковское «учение» создавалось и развивалось в этом контексте как идеологически ориентированная смесь вульгаризированного дарвинизма с перетолкованными и возведенными на «теоретический» уровень мичуринскими методиками и некоторыми приемами традиционной народной агрикультуры.

Чтобы понять, почему такое «учение» могло возобладать над генетикой, нужно учесть несколько обстоятельств. Существенно то, что большинство крупнейших представителей ранней генетики — де Фриз, Йогансен, Бэтсон и другие — занимали антидарвинистские позиции, что в глазах «биологов-марксистов» бросало тень и на их советских коллег. Важно также то, что генетика в первой трети XX века разрабатывалась в основном как фундаментальная дисциплина: опыты велись прежде всего на удобных ученым, но лишенных практического значения объектах (печально известные дрозофилы), еще не была создана разветвленная «сеть» практически ориентированных теорий и методик, связывающих основные законы генетики с реальной работой селекционеров.

В ситуации 30-х годов, когда тезис о единстве теории и практики понимался буквально и вульгарно — как возможность прямого и немедленного практического воплощения теории, когда в сельском хозяйстве насаждалась атмосфера «ударничества», требовавшая многократного увеличения урожаев и прочих чудес на полях и фермах, положение генетики стало весьма уязвимым. Как всякая настоящая наука, она не только обещала определенные практические достижения, но и отрезвляла человеческий разум — налагала определенные запреты на возможности преобразования живой природы и остерегала людей от неоправданного ожидания чудес в этой сфере деятельности.

Этот реализм, свойственный научному мышлению, казался чуждым и подозрительным тем, кто жаждал немедленных успехов и требовал от ученых простых и чудодейственных технологий, кто насаждал идеологему грандиозного преобразования природы по социалистическому плану. В этом контексте уже с 20-х годов

начала проявляться чрезмерная поддержка альтернативных академической науке форм знания и практики. В кругу последних оказалось и практическое искусство селекции И. В. Мичурина. Его длительная и упорная работа с плодовыми растениями дала в результате оригинальный сплав знания и практического мастерства, отличающийся от обычного научного знания и сближающийся с тем, что можно назвать «народной наукой» наших дней¹. В 20—30-е годы деятельность Мичурина была замечена и получила сильную социально-политическую поддержку: он получал телеграммы вождей партии и правительственные награды, его питомник посещали руководители государства, в 1932 году город Козлов был переименован в Мичуринск и в нем был создан научный и учебный центр для распространения идей Мичурина, еще при жизни получившего титул «великого преобразователя природы»². По-видимому, — субъективно — мотивы Мичурина были вполне благородны, но объективно в его работах, выступлениях, приветствиях и т. п. постепен-

¹ Разумеется, мичуринское учение заметно отличается от народной агрокультуры как таковой. Последняя есть результат многовекового коллективного опыта, причем она неразрывно связана с религиозным мировоззрением, с обрядами традиционной крестьянской жизни, со всей системой народных земледельческих технологий (см., например: *Селиванов В. В.* Год русского земледельца // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 24—145). Вместе с тем при внимательном чтении в работах Мичурина и Лысенко можно обнаружить многие отзвуки традиционного земледельческого сознания: мистики земли, восприятия природы как органической игры целостных стихий и качеств (земли, света, холода, тепла и т. п.), антропоморфизации растительного мира и даже осмысления его жизни в духе леви-брюлевских партиципаций, оформления «законов природы» в форме емких афоризмов, что характерно и для народной агрокультуры.

² В результате образ Мичурина был очень быстро канонизирован, и апелляции к нему стали играть важную роль в научно-политических дискуссиях тех лет. Так, на дискуссии 1939 года М. Б. Митин говорил: «Вопрос об отношении к Мичурину, к мичуринскому наследству, к развитию его работ имеет чрезвычайно большое значение. Мичурин — очень серьезное и очень глубокое явление в биологической науке. Мичурин прокладывал новые пути в науке. Наша партия называет его великим преобразователем природы. Вы знаете, что наша партия очень высоко ценит науку, что она очень строго подходит к оценке роли и деятельности тех или других представителей науки, и если большевистская партия называет Мичурина великим преобразователем природы, то это много значит» (*Митин М.* За передовую советскую генетическую науку // Под знаменем марксизма. 1939. № 10. С. 172).

но нарастала тенденция к вульгаризации образа науки, в них нетрудно найти многие наметки тех идейных ресурсов, которые послужили Лысенко в его борьбе с генетикой¹. Гипертрофированная поддержка вольно или невольно подталкивала Мичурина к противопоставлению своего практического искусства селекции как подлинно «народной» науки, способной «войти в каждую хату», науке профессоров, опирающихся на узкий «лабораторный» опыт, оторванный от естественной жизни природы. Мичурин и его последователи подталкивались к тому, чтобы эта «народная селекция» имитировала структуру академической дисциплины с ее курсами и учебниками, аспирантурой и научными степенями и в такой респектабельно-научной форме могла противопоставлять свои принципы «гороховым законам» менделистов-морганистов. Вышеупомянутая «поддержка» подталкивала его к псевдонаучным по своей сути «космократическим» проектам великого преобразования природы. «Я вижу,— писал в 1932 году Мичурин,— что колхозный строй, через посредство которого Коммунистическая партия начинает вести великое дело обновления земли, приведет трудящееся человечество к действительному могуществу над силами природы. Великое будущее всего нашего естествознания — в колхозах и совхозах»².

Этот комплекс идей был подхвачен и превращен в широкую платформу Лысенко в его пропаганде движения «хат-лабораторий» (одной из которых заведовал на Полтавщине его отец), в его критике «кастовой» профессорской генетики и противопоставлении ей «народной агробиологии» (в которой, как он отмечал в статье под скромным названием «Мой путь в науку»³, «очень трудно и даже невозможно провести резкую, непроходимую грань между учеными и неучеными. Каждый сознательный участник колхозно-совхозного строительства является в той или иной степени представителем агронауки»), в его обвинениях в адрес генетики в неспособности включиться в общее дело обновления земли, в движение ударничества на селе и т. п. В своем выступлении на дискуссии 1939 года Лысенко подчеркивал, что менделевской генетикой занимается небольшая горстка людей, едва насчитыв-

¹ См.: Мичурин И. В. Избр. соч. М., 1955.

² Мичурин И. В. Соч. В 4-х т. М., 1948. Т. 4. С. 293

³ Правда. 1937. 1 окт.

вающая полторы сотни специалистов и базирующаяся в центральных городах, тогда как «мичуриновское учение широкой волной движется в нашей стране... десятки и сотни тысяч охвачены этим учением»¹.

На мой взгляд, хотя этот тезис многим покажется спорным, популярности «мичуриновской стороны» лысенковщины — а такую популярность нельзя отрицать — способствовали некоторые глубокие традиции нашей отечественной культуры. В частности, нельзя не видеть здесь явной близости к тому образу науки, который отстаивался рядом представителей радикальной (прежде всего народнической) мысли, с одной стороны, и утопически-консервативной — с другой. В рамках этих традиций космократический пафос преобразования и регуляции природы по разумному плану был тесно увязан с критикой специализированной, оторванной от народной жизни «кабинетной», «городской» науки, являющейся плодом «западной», «протестантской» культуры. Подобной науке противопоставлялся идеал менее специализированного познания, способного стать «всеобщим делом». Так, у родоначальника русского философско-научного космизма Н. Ф. Федорова подобное всеобщее, «сельское» знание должно основываться не на узком лабораторном эксперименте, а на всеобщем наблюдении, на опыте, производимом всеми людьми в естественном течении природных явлений. Это наука, которая создается не замкнутым, оторванным от народа «сословием ученых», но опирается на общее дело, объединяющее «ученых и неученых» в проекте преобразования природы и человека. Сходный комплекс идей можно найти и у некоторых славянофилов, в народничестве. Дополненный распространенным представлением о вине интеллигенции перед народом, постоянно проявляющимися сомнениями в ценности чистого культурного творчества, в частности в значимости «чистой науки», этот комплекс порождал амбивалентную установку по отношению к науке в отечественном общественном сознании. Постреволюционная атмосфера в определенной степени способствовала реактивации и актуализации этой установки, поскольку наличная наука и институциональные формы ее организации стали рассматриваться как продукт старого общества и культуры, новая же наука виделась как

¹ Под знаменем марксизма. 1939. № 11. С. 159.

поприще деятельности поднятых революцией широких народных масс¹.

Непросто однозначно оценить эту мировоззренческую установку. С одной стороны, она приводит к активизации «низового» культурного творчества; создает климат, в котором нетривиальные научные и технические идеи, стоящие вне официальной науки, получают свой шанс на реализацию (подобными примерами полны 20-е годы); воплощается в действительно важных делах, каким было, например, широкое движение «народного краеведения» 20-х годов, объединившее в себе ученых и не относящихся к науке людей и давшее огромную литературу и еще мало оцененные результаты. С другой стороны, в деформированном социально-культурном контексте эта установка может вульгаризироваться, и порождаемые на ее волне псевдонародные феномены «поп-культуры» и «поп-науки» легко могут оборачиваться в движение против высокой культуры и настоящей науки.

Нечто подобное и произошло в 30-е годы в биологии, и не только в ней одной. Причем вульгаризации ситуации способствовало и то обстоятельство, что изначально единый с идеей народности космократический пафос к 30-м годам был уже на излете, и сплав этот постепенно остывал в бюрократических притязаниях на всеобщее планирование и контроль общества и природы, в практике народных строек, в тех проектах преобразования природы, которые осуществлялись в те годы на базе массовых, «народных технологий» при строительстве каналов и т. п.

Дело усугублялось еще и тем, что в нашей стране (как, впрочем, и во всех научно развитых странах) в межвоенное время развернулся сложный процесс институциональных перестроек в науке — переход от академических форм организации научной деятельности (типичных для XIX — начала XX вв.) к новым формам «большой науки», организационно связанной с промышленностью, военными разработками, сельскохо-

¹ См., например: *Алексеев П. В.* Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 44—55. Следует отметить, что периоды глубоких революционных изменений общества обычно сопровождаются критикой наличных форм науки. Так, в XVI—XVII веках шла критика университетской учености со стороны науки, связанной с практическим опытом ремесленников, оружейников и т. п. Определенная критика академической науки имела место и во времена Великой французской революции.

зайственным производством. При этом менялись не только институциональные структуры науки, но существенно расширялись и те слои общества, из которых формировалось научное сообщество. Ломались старые академические традиции социализации «новобранцев» в науке, предполагавшие многолетнюю работу под руководством профессора, передававшего вместе с опытом научной деятельности еще и весьма строгий «кодекс чести» ученого; включавшие длительные стажировки в научных центрах с высокой международной исследовательской репутацией и т. п., как уже неспособные обеспечить формирование быстро растущего научного сообщества. В этой ситуации как образ ученого академического типа, так и традиционный академический этос науки начинали выглядеть старомодными в глазах молодежи, массово и по разным каналам вовлекаемой в те годы в науку. Все это также снижало внутренний иммунитет науки против лысенковской и подобной ей деморализующей научную молодежь риторики о народности науки, о борьбе в ней консерваторов-профессоров и молодых новаторов, против практики создания ударнических бригад в науке, против сомнительных с точки зрения стандартов научной деятельности и научной этики стремительных научных и научно-политических карьер и т. п. Под лозунгом «народности» в подобной обстановке по тропам, протоптанным Лысенко и подобными ему «сталинскими учеными», в науку потек поток малообразованных, впитавших извращенные представления о существовании научной деятельности «новаторов», оттеснявших настоящих ученых и активно поддерживавших «народного академика» в его «научных» и политических акциях.

* * *

В эпилоге романа В. Дудинцева «Белые одежды» дряхлеющий академик-мичуринец задается вопросом, оставленным автором как бы без ответа: «Одного не понимаю,— сказал он, меланхолично растирая валенком плевков.— Их было сколько? Тысячи. А я один. Почему они мне сдались?» Если сказанное выше в какой-то степени верно, то следует признать, что этот изящный вопрос поставлен не вполне точно. Нельзя видеть в Лысенко одиночку-интригана, на свой страх и риск пробиравшегося к власти в науке и использовавшего для этого все допустимые и недопустимые методы. Си-

туация гораздо сложнее, и она лишь в небольшой части может объясняться особенностями личности Лысенко. Если попытаться дать самую схематичную реконструкцию процесса возникновения и «успеха» лысенковской агробиологии, то она может быть, если учесть предшествующее, примерно такой.

Появившись на научной арене в конце 20-х годов с идеями яровизации и стадийного развития растений, Лысенко еще находился на периферии биологических исследований (и в смысле буквальном — как молодой новатор из далекого Азербайджана, и в смысле отсутствия связей с исследованиями признанных научных школ). На этом этапе он как «талантливый самородок» был замечен Н. И. Вавиловым и получил от него определенную поддержку. Эта поддержка была кредитом, достаточно естественным со стороны такого крупного организатора науки и доброжелательного человека, каким был Вавилов.

Вместе с тем, как это отмечает большинство исследователей, несмотря на подобный кредит, в нормальной научной и политической атмосфере у учения Лысенко, выдержанного в устаревшем описательно-натуралистическом стиле, не было особых шансов в конкуренции с генетикой, освоившей качественно иные, современные методы исследования. И здесь, на этом этапе (1931—1936 гг.), Лысенко находит новых союзников и новые — уже готовые — каналы поддержки. Причем каналы не чисто научные, а более существенные в тогдашнем контексте: идеологические, научно-политические (связанные с задачами реконструкции науки на основе диалектического материализма и социалистической практики, искоренением буржуазной науки и т. п.) и «общекультурные», связанные с рассмотренным выше комплексом «мичуринских» идей. Переключившись на эти новые каналы и обрастая сторонниками, Лысенко уже на дискуссии 1936 года показал, что он готов к решительной атаке на Н. И. Вавилова и генетику в целом, обвинив последнюю в целом ряде методологических, идеологических и практически-политических грехов.

В ходе этого развития «мичуринская агробиология» быстро превращается из натуралистической концепции в вульгарную науку «колхозно-совхозного строя», в ней нарастает антрепренерский стиль деятельности: готовность браться за любые угодные властям задачи —

от получения сортов ветвистой пшеницы до научно-политических задач по внедрению плановости в науку, очистке ее от вредителей и т. п. Соответственно этому нарастает значение чисто политических механизмов поддержки, что приводит к «бесовщине» в биологии, начавшейся уже перед войной, временно приостановленной ею (а также личными обстоятельствами Лысенко, связанными с судьбой его брата) и развернувшейся во всю ширь в конце 40-х годов.

Лысенковская агробиология рождалась в деформированной и вульгаризированной духовной атмосфере, активно впитывала ее и сама налагала печать вульгаризации на все, что попадало в сферу ее влияния. Идеалы и методы науки; диалектика и основные принципы марксизма; идеи народности и связи науки с жизнью; выношенные в лоне революционного и утопического сознания и в целом понятные в контексте той эпохи идеи преобразования науки, человека, природы и т. п.— все это приобретало в лысенковщине гротескную и пошлую форму. Но не может же быть, чтобы два с лишним десятилетия развития «творческого дарвинизма» не принесли каких-то плодов. Плоды эти были, но не там, где их можно было ожидать. В научном отношении лысенковщина бесплодна, подлинное творчество и вульгарная наука малосовместимые вещи. Кем-то было замечено: то, что в лысенковском учении верно, то банально, а то, что ново, то неверно и псевдонаучно. Результаты лысенковщины лежат в иной плоскости: это — прерванные и искалеченные судьбы ученых, разрушенные научные школы и традиции, сотни и сотни «желтых научных работ», деморализация и обман научной молодежи, утрата авторитета советской науки и ее многолетняя изоляция от мировой науки, деформация научной этики, от которой наша наука не оправилась вполне и до сих пор.